

УДК 82.091

М. С. Потёмина

ФЕНОМЕН ПАМЯТИ В НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ ПОСЛЕ 1989 ГОДА

50

Рассматриваются и систематизируются теоретические положения немецких литературоведов, занимающихся различными аспектами концепта «память». Конкретизируется роль литературы как носителя и средства хранения информации, обеспечивающего передачу культурного наследия сквозь временные и пространственные дистанции. Показывается взаимосвязанность литературы и воспоминания как медиальных конструктов, роль чтения в формировании определенных воспоминаний и представлений о прошлом.

This paper focuses on different theories proposed by German literary scholars currently addressing the concept of "memory", and reconsider the role of literature as a medium for keeping and transferring cultural legacy through space and time. It is discovered that literature-as-a-medium and memories are interconnected. It is also demonstrated how reading evokes specific memories and forms a certain image of the past.

Ключевые слова: коллективная память, коммуникативная память, культурная память, немецкая литература после 1989 г.

Key words: collective memory, communicative memory, cultural memory, post-1989 German literature.

В последние десятилетия вопросы памяти, воспоминаний и забвения оказываются в центре новой парадигмы гуманитарных исследований. Термины «память» и «воспоминания» с начала 1990-х гг. становятся трансдисциплинарными: используются в психологии, когнитивной лингвистике, историографии, литературоведении и культурологии. В разных исследовательских контекстах задействуются и термины «коллективная память», «индивидуальная память», «коммуникативная память», «культурная память».

В литературоведении понятие «память» чаще всего рассматривается в рамках теории интертекстуальности, теории культурной памяти Яна Ассмана и концепции литературы как коммуникативного средства памяти Астрид Эрль и Ансара Нюннинга.

Представителями теории интертекстуальности внутритекстовые и внутрилитературные феномены исследуются в контексте взаимопроникновения таких концептов, как 'интертекстуальность', 'память' и 'двойное кодирование'. Обращение одних литературных текстов к другим метафорически обозначается как «память литературы» (Gedächtnis



der Literatur). Впервые данный термин использует в своей работе Рената Лахманн [14, S. 35]. В рамках этой концепции интертекстуальные отношения понимаются в широком смысле как «акты воспоминания». Через ссылки на более ранние тексты, жанры, формы, структуры, символы и топосы литература как бы «вспоминает» саму себя, повторяет и актуализирует предшествующий опыт, ранние эстетические формы. Концепт «память литературы», по мнению А. Эрлл, может метафорически пониматься двояко: как *genitivus subjectivus* (литература обладает памятью) или *genitivus objektivus* (о литературе вспоминают) [8, S. 3]. В первом случае литература понимается как символическая система: интертекстуальность, темы и жанры — результат внутрилитературной памяти. Правда, вопросы об отношении литературы и других культурных символических систем или общественной функции литературных текстов, которые инсценируют себя через интертекстуальность как «эхо-камера» предшествующих текстов (Р. Барт), этим подходом практически не затрагиваются. Во втором случае («память литературы» как *genitivus objektivus*) литература рассматривается как социальная система, связанная с дисциплинарной саморефлексией (создание канона, написание истории литературы) [18].

Вторая концепция представления и репрезентации памяти и воспоминаний в литературных произведениях («память в литературе» — «*Gedächtnis in Literatur*») рассматривается Алейдой и Яном Ассманами. Главным вопросом при этом становится, каким образом тематизируются и инсценируются содержание и принцип работы памяти. В то время как концепт «память литературы» делает акцент на диахронном измерении литературной системы и отношениях *между* несколькими текстами, исследования, посвященные «памяти в литературе», прежде всего обращают внимание на форму и структуру отдельного художественного произведения. Часто в этом контексте рассматривают и тесную синхронную связь литературного текста с культурными контекстами памяти, с существующими на момент создания и рецепции произведения версиями прошлого и концепциями памяти. Можно вспомнить ввиду этого миметический подход к изучению памяти Михаэля Басселера и Доротеи Бирке [7] и когнитивно-психологический подход к исследованию формы и функции литературной инсценировки воспоминаний и идентичности Биргит Нойманн [17].

Алейда и Ян Ассман выделяют в рамках культурной памяти два уровня: коммуникативную и коллективную память. При этом коммуникативная память основана на повседневной коммуникации (разговоры с друзьями, опыт, накопленный в семье или группе людей), а культурная память развивается в контексте официальных символических товаров, кодов, объективаций. В статье «Коллективная память и культурная идентичность» Ян Ассман обобщает свои представления о культурной памяти в виде шести пунктов. Ее характеризуют: 1) конкретность идентичности (отличение себя от других); 2) реконструктивность (отнесенность соответственно к одной актуальной ситуации); 3) оформленность (в таких средствах передачи, как шрифт, изображе-



ние и т. д.); 4) организованность (в церемониях и в таких специализированных профессиях, как библиотекарь); 5) обязательность (оценка и иерархизация содержания); 6) рефлексивность (практики и собственного представления о себе, что более или менее схоже с понятием культурных моделей Лотмана [3]). В общем и целом, по мнению Я. Ассмана, культурный процесс имеет форму гипопепсиса, то есть повторения с вариациями. Общества, «вырабатывая культуру памяти о прошлом, продуцируют собственные воображаемые образы и проносят свою идентичность сквозь смену поколений; и делают они это — что для нас наиболее важно — совершенно по-разному» [1, с. 55]. При этом для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она. «Можно сказать также, что в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф. Миф — это обосновывающая история, история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [1, с. 55].

Основываясь на парадигме культурологических исследований Я. Ассмана, в университете им. Юстуса Либига в г. Гессен с конца 1990-х гг. под руководством Карстена Ганзеля проводятся исследования на тему «“Принцип Воспоминание“ в немецкоязычной современной литературе после 1989». С точки зрения К. Ганзеля, хранилищем воспоминаний о прошлом в последнее время становятся нарративы, связанные с вопросами определения идентичности. Дискурс памяти, играющий особенно большую роль в литературе Германии с 1989 г., следует изучать, по мнению автора, по нескольким причинам.

1. Объединение 1989 г. привело к тому, что окончание эпохи «реального социализма» стало причиной значительных трансформаций в социальной, культурной и политической сферах как в восточной, так и в западной частях Германии. Смена культурных парадигм представляет собой определенный опыт культурной травмы, неуверенности, появившейся в разных сферах жизни бывших жителей ГДР и ФРГ.

2. Новый «статус-кво» дал импульс к изучению вопроса «принципа памяти» в литературе. В связи с Объединением появилась необходимость через нарратив прочувствовать «Историю разъединений» (Ю. Беккер) и выяснить, какой опыт окажется важным и ценным в новых условиях.

3. В связи с нивелированием разъединения немецкого государства и глобальными изменениями произошла перестройка «функциональной памяти», поскольку появилась необходимость нового принятия и новой оценки. Всё больше событий, тем, следов прошлого, которые долгое время вытеснялись, отбрасывались, отбраковывались, попадает в живую память. В этом контексте особенно важным становится не *что* вспоминается, а *как* вспоминается, каким образом происходит рефлексия над воспоминаниями. В измененных исторических условиях устоявшиеся модусы воспоминаний могут быть заново осмыслены или даже реконструированы.



4. Причины изменений в «что» и «как» памяти тесно связаны и с процессом глобализации и гибридизации, а также постепенной сменой поколений. В то время как очевидцы времен национал-социализма и войны постепенно уходят из жизни, на место индивидуальной памяти приходят вымышленные, фиктивные формы. Мы начинаем говорить о новом поколении авторов [12, S. 12–13].

В рамках гессенских исследований литература, во-первых, рассматривается как коммуникативное средство (медиум), посредством которого в форме нарративных инсценировок на базе индивидуальных и характерных для определенного поколения воспоминаний вырабатывается коллективная память. В этом контексте способ нарративной инсценировки в литературных текстах может свидетельствовать о функционирующем в обществе процессе образования памяти. Во-вторых, в литературных текстах формируются индивидуальные, поколенческие и коллективные формы воспоминаний, которые, в свою очередь, могут стать объектом наблюдения и изучения. И если это предположение верно, то, по мнению К. Ганзеля, появляется шанс через исследование текста выявить, какие воспоминания создаются различными обществами и каким образом это происходит.

Так, автор затрагивает аспект рефлексии над памятью. При этом следует помнить, что нация, государство, церковь или фирма не обладают памятью, но могут ее «производить», «используя мемориальные знаки и символы, тексты, картины, ритуалы, практики, места и монументы» [5, S. 186]. Через эти коммуникационные средства памяти отдельным представителям общества передаются конкретные содержания, формируется их идентичность, благодаря чему они становятся в итоге носителями коллективной памяти. Тем самым можно предположить, что формирование коллективной памяти может быть управляемым, определенные ценности и нормы интегрируются в общественную жизнь. В этом контексте литературе отводится особая роль, поскольку именно она способна сохранить, обобщить, унифицировать и передать из поколения в поколение отфильтрованные и интерпретированные ею варианты исторических событий.

Связь современной литературы и коммуникативной памяти отражается и в новой книге К. Ганзеля «Литература в диалоге» [13]. Интервью с современными авторами — представителями нескольких поколений из Восточной и Западной Германии — составляют ее каркас. Основные тенденции внутри немецкоязычной современной литературы формируются не в последнюю очередь на уровне тематико-дискурсивных связей, в которые авторы вписываются не только своими текстами. Ведь, высказывая свое поэтологическое и мировоззренческое мнение, сообщая о своем опыте и воспоминаниях, они участвуют в открытой публичной дискуссии. По этой причине К. Ганзель выступает в дебатах вокруг понятия «современная литература» за то, чтобы рассматривать теоретические аспекты памяти в качестве одной из возможностей категоризации. Если настоящее понимать, согласно Паулюм Михаэлю Лютцелю, как «промежуток времени поколения» [15, S. 17], но поколе-



ние понимать вслед за Карлом Маннхаймом и Алейдой Ассман не как биологическую возрастную когорту, а как общество, объединенное одним опытом, обладающее специфической «памятью поколения» [5, S. 183], соотнесенной с определенными «коллективными событиями» [16, S. 552] современной истории, то современную литературу, по мнению К. Ганзеля, следовало бы рассматривать не через «внутрилитературные аспекты», а скорее через «познаваемую (узнанную на собственном опыте) и пережитую отдельной группой людей действительность, которая становится предметом поэтической обработки» [11, S. 17].

Для литературной обработки действительности прошлого необходимым условием оказывается наблюдательность автора и умение художественно переработать и донести информацию до следующего поколения. По этой причине при передаче информации «из рук в руки» авторы, запечатлевающие «коммуникативную память» общности, объединенной одним опытом или воспоминанием, становятся важными экспертами действительности. В первую очередь свое знание они мультиплицируют через тексты, в которых отражаются результаты работы памяти. Многочисленные же круглые столы, подиумные дискуссии и ток-шоу указывают на то, что в медийном пространстве определенный вес приобретают и устные высказывания писателей, которые становятся частью метадискурсивного поля и рассматриваются в тесной связи с их литературными текстами.

В интервью с писателями практически всегда затрагиваются вопросы поэтики, имеющие значение для определения актуальных тенденций литературы. Каждое литературное высказывание, в свою очередь, становится свидетельством времени, результатом саморефлексии на металитературном уровне. «При перенесении акцента на современный процесс воспоминаний роман-воспоминание обладает высокой степенью саморефлексии, — отмечает К. Ганзель. — Речь идет не столько о том, чтобы вызвать в своем воображении прошлое, сколько о конфронтации с бытием переживаемого момента, возникающей в процессе воспоминания» [10, S. 32].

Идея культурной памяти Яна Ассмана, таким образом, дополняется и представляется Карстеном Ганзелем не только как многоуровневый закодированный конгломерат, включающий в себя экстра-, интра- и интертексты, но и как важная часть метадискурса, в котором формируется мультиперспективная панорама современной (культурной и общественно-политической) немецкой истории.

Напомним, что и в теории культурной памяти Алейды и Яна Ассманов в центре внимания находится общественная функция литературы. Однако в ней, по мнению А. Эрль и А. Нюннинга [19, S. 186–187], можно отметить отсутствие разграничений между литературными и нелитературными текстами. Такое нивелирование различий между объективацией различных символических систем является результатом двух основных идей теории Ассманов: во-первых, преимущественного изучения письменного и устного текста (литературный текст, таким образом, причисляется к категории письменных коммуникативных



средств); во-вторых, фокусирования исследовательского интереса на коммуникативных средствах, которые относятся к «функциональной памяти» (а не «накопительной, хранящей памяти»). Чтобы устранить эти недостатки теории Ассманов, Астрид Эрль и Ангар Нюннинг предлагают рассматривать литературу как медиум памяти.

«Литература как медиум памяти» [8] — относительно молодое направление в немецком литературоведении. Включение литературоведения в междисциплинарную парадигму возможно, согласно А. Эрль и А. Нюннингу, благодаря пониманию литературы как медиума памяти. С этой точки зрения литература воспринимается не только как опирающаяся на процесс памяти («память литературы» Р. Лахманн) или саму память («память в литературе» А. и Я. Ассманнов), но и являющаяся *посредником* памяти, интегрируя ее в культуру.

По мнению А. Эрль, литература как символическая система подчиняется тем же законам, что и процесс формирования коллективной памяти. В этом контексте А. Эрль выделяет три процесса: компрессию, повествование и архетипические образцы. Под компрессией автор понимает необходимость кодирования информации в литературе, например, некоего напластования значений, как это делается в тропе, топосе. Такое над-структурирование отдельных элементов требует навыка декодирования от читающего или вспоминающего. Повествовательные процессы, то есть селекция и конфигурация на парадигмальном и синтаксическом уровнях, представляют собой следующую точку пересечения между литературной техникой и выработкой и воспроизведением воспоминаний.

Эта техника построения интриги (*emplotment*) была отнесена к нарративной структуре историографии еще Хайденом Уайтом. Как отмечает в своей работе Поль Рикёр, «первое допущение “поэтики” исторического дискурса состоит в том, что вымысел и история принадлежат — под углом зрения нарративной структуры — к одному и тому же классу. Допущение второе: сближение истории и вымысла влечет за собой и другое сближение — между историей и литературой. История по сути своей — это историография, или, выражаясь в откровенно провоцирующем стиле, — артефакт литературы (*a literary artifact*). Таким образом исторические рассказы рассматриваются Уайтом как вербальные вымыслы, близкие по содержанию и форме к их литературному аналогу. Такая техника представляет собой переход к следующей точке конвергенции литературы и коллективной памяти — к разделению интриги (*plot*), то есть воспоминаний на архетипические образцы (типовые), которые могут рассматриваться как модели динамики развития» [2, с. 187].

Суть этого разделения далее так объясняет в своей работе Поль Рикёр: «Построение интриги (*emplotment*), в отличие от рассказанной истории (*story*), сохраняет объяснительный эффект, в том смысле, что оно определяет не события рассказанной истории, а саму эту историю, определяя класс, к которому она принадлежит. Нить рассказанной истории позволяет выявить одну-единственную конфигурацию, построе-



ние интриги побуждает к признанию традиционного класса конфигураций. Эти категории интриги, в соответствии с которыми закодирована сама история, а не события истории, родственны тем “относительным криптограммам”, которые, как утверждает Э.Х. Гомбрих в работе “Art and Illusion”, определяют наш способ “прочтения” живописи» [2, с. 190]. Таким образом, Х. Уайт приписывает построению интриги функцию категоризации.

В отличие от этих объединяющих факторов литературе из-за ее фиктивного характера приписываются признаки, отличающие ее от «чистых» средств коммуникации (медиа) памяти. В первую очередь речь здесь идет о диалогичности и полифонии, высоком уровне многовалентной комплексности, в то время как «справочный фон — источник информации» [8, С. 6] может в лучшем случае рассматриваться в качестве смешанной формы между реальным и вымышленным, выдуманным.

Что касается функциональности, присущей средствам передачи коллективной памяти, то литература как носитель и средство хранения информации сохраняет культурное наследие и как циркулирующее средство коммуникации делает его доступным через большие временные и пространственные дистанции. В роли медиальных конструкторов литература и воспоминания взаимосвязаны. Чтение вызывает у читателя определенные воспоминания о прошлом или создает представление о нем. И наоборот, реальные места, вещи и даже события через литературу приобретают символическое значение, что может, в свою очередь, также вызвать определенные воспоминания.

Вслед за Полем Рикёром Астрид Эрль выделяет три уровня мимезиса, через которые в литературных текстах имитируются воспоминания: 1) префигурация (предвосхищение) — обращение к хранилищу культурной памяти; 2) конфигурация (формообразование), благодаря которой создается новый, тематизирующий воспоминания и память, текст; 3) рефигурация (преобразование) — акт восприятия художественного произведения, его рецепция читателем. Именно на этом этапе происходит акт межличностной коммуникации посредством произведения искусства. Тем самым «выстраивается связь между парадигмами и единичными историями» [2, с. 192].

Художественная литература, таким образом, выполняет в рамках культурной памяти несколько функций: передача схем кодирования хода биографии, выработка представлений о прошлых мирах, выявление конкурентных моделей воспоминаний и размышление о процессах и проблемах коллективной памяти. Предыдущие концепции удачно интегрируются в новую парадигму.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
2. Рикёр П. Время и рассказ : в 2 т. М. ; СПб., 1998. Т. 1 : Интрига и исторический рассказ.



3. Уффельманн Д., Шрам К. Панорама современного немецкого литературоведения // Немецкое философское литературоведение наших дней : антология. СПб., 2001. С. 5–40.

4. Ächtler N. Literatur im Dialog. Carstens Gansels Autoreninterviews im Spannungsfeld zwischen Literaturwissenschaft und literarischer Öffentlichkeit // Gansel C. Literatur im Dialog. Berlin, 2015. S. 13–35.

5. Assmann A. Vier Formen des Gedächtnisses // Erwägen, Wissen, Ethik, Streitforum für Erwägungskultur. Stuttgart, 2002. H. 13. S. 183–198.

6. Assmann J. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität // Kultur und Gedächtnis. Hg. v. J. Assmann, T. Holscher. Frankfurt/M., 1988. S. 9–19.

7. Basseler M., Birke D. Mimesis des Erinnerns // Erll A., Nünning (Hrsg). Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft. Theoretische Grundlegung und Anwendungsperspektiven. Berlin ; N. Y., 2005. S. 123–148.

8. Erll A., Nünning A. Literaturwissenschaftliche Konzepte von Gedächtnis // Erll A., Nünning A. (Hrsg): Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft. Theoretische Grundlegung und Anwendungsperspektiven. Berlin ; N. Y., 2005. S. 1–10.

9. Erll A., Nünning A. Literatur und Erinnerungskultur // Günter Oesterle (Hrsg.). Erinnerung, Gedächtnis, Wissen. Studien zur kulturwissenschaftlichen Gedächtnisforschung. Göttingen, 2005. S. 185–210.

10. Gansel C. Rhetorik der Erinnerung – Zur narrativen Inszenierung von Erinnerungen in der Kinder- und Jugendliteratur und der Allgemeinliteratur // Hermann Korte (Hrsg.): Kinder- und Jugendliteratur und Narratologie. Göttingen, 2009. S. 11–38.

11. Gansel C., Herrmann E. „Gegenwart“ bedeutet die Zeitspanne einer „Generation“ – Anmerkungen zum Versuch, Gegenwartsliteratur zu bestimmen // Entwicklungen in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur nach 1989. Göttingen, 2013. S. 7–21.

12. Gansel C., Zimniak P. (Hrsg) Zum „Prinzip Erinnerung“ in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur nach 1989. Göttingen, 2010. S. 12–13.

13. Gansel C. Literatur im Dialog. Berlin, 2015.

14. Lachmann R. Gedächtnis und Literatur: Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt a/M, 1990.

15. Lützel P. M. Vorwort in Gegenwartsliteratur I // Lützel P., Schindler S. (Hrsg.) Ein Germanistisches Jahrbuch. Tübingen, 2002. S. 13–19.

16. Mannheim K. Das Problem der Generationen // Wissenssoziologie: Auswahl aus dem Werk. Berlin ; Neuwied, 1964. S. 509–565.

17. Neumann B. Literatur, Erinnerung, Identität // Erll A., Nünning A. (Hrsg). Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft. Theoretische Grundlegung und Anwendungsperspektiven. Berlin ; N. Y., 2005. S. 149–178.

18. Schmidt S. Kalte Faszination: Medien, Kultur, Wissenschaft in der Mediengesellschaft. Velbrück, 2000.

Об авторе

Марина Сергеевна Потёмина – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: mprotemina@mail.ru

About the author

Dr Marina Potyomina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: mpotemina@mail.ru